

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«РУМПЕРИЯ. ШЕПОТ ЛЮБВИ»:

Любовь без пересдачи
Аксинья Карпова

Антикафе «Чайный час»
Алиса Тиллит

Секретный ингредиент Маргариты
Лия Джей

Переломный момент
Екатерина Соловьева

Продолжение следует...

Елена
Каштанова

Не сбудется

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К31

Иллюстрация на обложке *venifort*

Художественное оформление *Кристины Оскаровой*

Каштанова, Елена.

К31 Не сбудется / Елена Каштанова. — Москва : Эксмо, 2026. — 640 с. — (Румперия. Шепот любви).

ISBN 978-5-04-235831-9

Что делать, если человек, которого ты полюбил, уже принадлежит другому?

Случайная встреча с незнакомкой в коридоре нового лица изменила жизнь Максима Стрельцова в одно мгновение. Повстречав Машу, он из стороннего наблюдателя превратился в человека, готового бороться за свои чувства. Однако между ними стоит непреодолимое препятствие: девушка уже встречается с другом своего детства Андреем Шевцовым.

Стремясь быть рядом с Машей, Максим добивается роли Ромео в школьной театральной постановке, где девушка играет Джульетту. Репетиции трагедии Шекспира становятся метафорой их собственных отношений — на сцене они могут любить друг друга открыто, в жизни же вынуждены прятать свои чувства.

Максим и Маша все больше сближаются: литературные семинары, киноклубы, обсуждения классических произведений становятся для них собственным маленьким миром.

Однако готов ли Максим мириться с ролью возлюбленного только на сцене? И сможет ли Маша сделать выбор между прошлым и новыми чувствами?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235831-9

© Елена Каштанова, 2026
© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Почему бы и нет?

Марина никогда не отказывалась встречаться с родителями, которые желали сдать своих чад, как правило, жутко бестолковых, в ее лицей, считавшийся лучшим средним учебным заведением в городе. Во-первых, редко, но среди их детей попадались способные, а иногда просто талантливые. Взять хотя бы Катюшу Одинец, дипломантку международных музыкальных конкурсов, гордость школы. Да, с учебой у нее не очень складывались отношения: сказывались семь лет в обычной школе, она так и не смогла преодолеть свое отставание в программе. Но, с другой стороны, человеку, который так тонко чувствует музыку, может, не очень-то и нужны все эти интегралы? Попытка поверить гармонию алгеброй, как известно, ни к чему хорошему не привела.

Во-вторых, будучи хорошим психологом, Марина умела так построить разговор, что родители и сами отказывались от мысли поместить ребеночка в элитную школу и забыть о нем до выпускного вечера. С помощью нехитрых аргументов и сравнения школьных программ у нее очень убедительно получалось донести мысль, что в лицее ребеночек сразу окажется в числе отстающих, у него сформируются комплекс неполноценности и позиция вечно догоняющего, что фатально скажется на его способности впоследствии руководить папиным бизнесом. И это — в лучшем случае. В худшем — ребеночка, по прогнозам Марины, ожидали неврозы, больницы и ничего хорошего в общем и целом. Таким образом, потенциальному медалисту обычной средней школы оказывалось совершенно невыгодно менять это чудесное учебное заведение на место троечника в школе необычной. ЕГЭ — он и в Африке ЕГЭ, но при прочих равных условиях тройки в аттестате отрицательно скажутся на настроении приемной комиссии. «Лучшее — враг хорошего», — так обычно заканчивала свою аргументацию Марина. В большинстве случаев действовало.

Но на этот раз дамочка с жутким *масковским* акцентом попалась довольно непробиваемая. Она, похоже, вообще не слышала ничего из того, что сказала Марина, или ей было все рав-

но. На все аргументы и вопросы она рассказывала, какая у них крутая семья потомственных интеллектуалов и как в этом городе сложно найти подходящие условия для принца столь благородных кровей. При этом слова «в этом городе» явно являлись эвфемизмом более точного выражения «в вашей деревне».

— Я вас прекрасно понимаю, — поддержала собеседницу Марина. — Конечно, в Москве гораздо больше возможностей и перспектив, чем у нас. И выбор школ там наверняка больше. У нас же, сами видите, лицей не может вместить всех желающих, к сожалению. В десятом классе, например, двадцать один человек. А договор предусматривает только двадцать. И это максимум! Изначально было шестнадцать. Я каждый день со страхом жду, что ко мне пойдут недовольные родители, возмущаясь и жалуясь на несоблюдение условий договора. Максим будет двадцать вторым в классе, и это увеличит количество недовольных, которые, поверьте, есть всегда, даже если и не говорят об этом открыто.

Тут Марина лукавила. После девятого одна девочка из этого класса ушла в театральное училище и еще один мальчик — в Суворовское, так что место можно было найти. При желании. Которого не было. Более того, в процессе разговора у нее самой выработалось стойкое нежелание. Это был ее собственный класс, ее детище и гордость, с дав-

но сложившимся коллективом и распределенными ролями, которые всех устраивали. Она всячески ограждала этот класс от притока новичков, хотя и казалась сама себе объективной.

В любом случае в запасе всегда оставался третий, компромиссный вариант: ребеночек не пройдет вступительное тестирование, и она предложит полгодика позаниматься с репетиторами, а потом попробовать еще раз. В том, что он не пройдет, Марина была уверена на сто процентов: ни один еще не прошел. Тест являлся авторской разработкой лицея и был составлен таким образом, что каждый вопрос содержал в себе знания как минимум по двум предметам. При этом некоторые задачи вообще не имели однозначного ответа. Хорошим результатом для новичка считалась примерно половина решенных заданий. Марина была уверена, что в полном объеме тест не пройдут даже преподаватели лицея, хотя в нем не содержалось ничего сверх обычной программы. Это была своего рода военная хитрость, а также возможность выявить сильные и слабые стороны поступающего. От результатов тестирования не зависело абсолютно ничего, решение о приеме в лицей принималось по другим критериям, но тест давал возможность официально обосновать отказ.

Дамочке, судя по всему, идея дополнительного тестирования не особо понравилась: видимо, бла-

городная кровь предков не слишком активно приливала к мозгу потомков. Она заволновалась и заговорила о возможности «спонсорской помощи лицею со стороны нашей фирмы» («нашей» была фирма ее мужа, сама она не работала, насколько поняла Марина, очень давно, а может, и вообще никогда).

— Спасибо за предложение. Лицею действительно постоянно требуется помощь. Мы стараемся не нагнать в этом вопросе, это было бы нечестно по отношению к семьям, которым тяжело себе позволить лишние траты, не переводить же им детей в другие школы. В том же десятом классе есть один воспитанник детского дома, который, естественно, обучается без всяких дополнительных взносов. У нас есть попечительский совет лицея, и, если ваш сын будет принят, вы всегда сможете предложить помощь по мере ваших возможностей.

Чтобы закончить наконец этот бесперспективный разговор, Марина быстро сняла трубку телефона и спросила:

— Света, у нас остались еще вступительные тесты для десятого класса? Будь добра, принеси, пожалуйста.

— Сейчас? — заволновалась дамочка. — Но... мы же не готовились... Может быть, назначите другой день?

— К этому тесту невозможно подготовиться. Он выявляет не уровень знаний, а возможность

их применять, то есть умение проводить параллели, строить зависимости и делать выводы, использовать критическое мышление и логику... Ну, и творческие способности тоже. Выполнение заданий займет около полутора часов, потом проверка, после этого мы немного побеседуем с Максимом. В общей сложности два-три часа. Вы можете присутствовать.

«Хотя это и нежелательно», — мрачно подумала Марина.

— Я лучше подойду через два часа, — сухо проговорила дамочка.

Максим не был доволен новой школой. Он и новым городом был не особо доволен. Положа руку на сердце, вообще вся его жизнь после переезда представляла мало интереса для него самого. Здесь все было чужим, родители занимались обустройством на новом месте, друзей завести он не сумел, все друзья летом водятся исключительно в теплых странах, в крайнем случае, в близлежащих деревнях и дачных поселках. Был ноутбук с играми и даже с интернетом, но оказалось, что и он не очень спасает в ситуации тотального безделья и одиночества, когда книги прочитаны, фильмы просмотрены, а поделиться этим не с кем.

После того как первого сентября начались занятия в школе, время потекло быстрее, но нельзя сказать, что намного интереснее. Новые одноклассники его не заинтересовали: то ли он привык к одиночеству за лето, то ли был еще не готов к новым отношениям, то ли просто не сложилось. Хотя ребята, судя по всему, были неплохие: расспрашивали, звали в компанию и вообще проявляли обычный к новичкам интерес. Учителя пока тоже не впечатлили, впрочем, он и раньше не любил учиться.

Когда мать объявила, что нашла «приличную школу недалеко от дома», Максим вяло пожал плечами — ему было все равно, а мать огорчать не хотелось. Вот почему сейчас он стоял на первом этаже «приличной школы», которая в действительности представляла собой навороченный лицей (судя по всему, довольно пафосное заведение для детей богатеньких буратин), и ждал мать; она уже давно ушла разговаривать с директором и почему-то не возвращалась.

«Любой каприз за папины деньги», — так они называли подобные школы в Москве. Обстановка здесь резко отличалась от «неприличной» школы, в которой Максим учился сейчас, и не только евроремонтом и наличием дорогой мебели, но и каким-то внутренним уютом, ухоженностью и гармонией. Много цветов, занавески, зеркала, диванчики вдоль стен, столы с при-

надлежностями для письма, кулер с питьевой водой — казалось, здесь все было продумано для работы и отдыха.

Некоторое время Максим развлекался тем, что рассматривал фотографии школьных талантов: девочка играет на скрипке, мальчик в броске за футбольным мячом, пара фигуристов в каком-то танце, балерина, каратист в кимоно в боевой стойке. После фотографий шли картины — выставка работ некоего Марка Гершковича, видимо, тоже местной знаменитости. Максим все равно ничего не понимал в живописи. Но, наверное, это было типа круто.

Он прохаживался один в пустом коридоре, и в нем зрело раздражение: зачем было тащить его с собой? Отдать документы и заплатить деньги — не такая уж сложная процедура, мать вполне могла обойтись и без него. А теперь стой тут как дурак. Сейчас прозвенит звонок, из классов вывалятся толпы учеников, и все будут на него глядеть, как в музее. Он уже неделю находился в центре внимания, и это начинало доставать.

Словно в подтверждение его мыслей, раздался жуткий треск, заставивший его подпрыгнуть, — оказалось, что он стоял под самым звонком. Как будто среагировав на сигнал, по лестнице спустилась хмурая и чем-то озабоченная мать.

— Пойдем. Она хочет с тобой поговорить.

— О чем? — недовольно спросил Максим.

— Обычное собеседование. Лишнего не болтай, — строго приказала мать. У них в семье было много «лишнего», которое Максим постоянно «болтал», потому что все время забывал, а иногда и просто не догадывался, что именно является «лишним». — Просто постарайся ей понравиться.

— Зачем еще? — буркнул Максим и добавил про себя: «Не красна девица».

Марина с удовольствием рассматривала новенького. Сынок *масковской* дамочки оказался совсем не похож на мать. Симпатичный, лохматый, с серьгой в левом ухе, но при этом хмурый и замкнутый, он почему-то напомнил Марине Энакина Скайуокера в дни его тяжелого выбора между добром и злом. Давно не стриженные белые волосы колыхались роскошной гривой и мешали заглянуть в глаза. Мальчик односложно отвечал на вопросы и не отзывался на Маринину улыбку. При этом она видела, что он несколько не стесняется — это состояние отчужденности шло глубоко изнутри. Мальчик вызывал симпатию настолько, насколько была неприятна его мать.

Как и предполагала Марина, результат тестирования не впечатлял. Из приятных неожиданностей оказался довольно высокий уровень знаний сверх школьной программы, но это, вероятнее

всего, обусловлено «столичностью»: в суете мегаполиса дети хватают верхушки знаний отовсюду понемногу, откуда и появляется впоследствии их дурацкая привычка высказывать свое «компетентное» мнение по любому вопросу, начиная от варки щей и заканчивая сочинениями Плутарха.

Так, что еще? Развитие речи — тоже неплохо. Усвоение школьной программы — даже хорошо, отличником небось был. Марина только сейчас поняла, что так и не удосужилась заглянуть в документы из старой школы. В остальном — ничего интересного. Середнячок.

— Ты готов? — обратилась она к мальчику. Пока она оценивала результаты теста, Максим должен был подготовить небольшую речь «Что должен знать обо мне директор новой школы». — Я слушаю.

— Меня зовут Максим Стрельцов, — начал он и вдруг замолчал.

— Это все? — спросила Марина, не дождавшись продолжения.

— Да, — согласился мальчик.

Но она видела, что не все. Что-то ему мешало. На самом деле Максим решал внутри себя сложную этическую задачу: что из того, что он собирался сказать, могло быть «лишним», с точки зрения матери. Но Марина, не знавшая их сложных внутрисемейных отношений, поняла по-своему и оказалась недалеко от истины.

— Ты не хочешь учиться в лицее?

— А это имеет значение? — с вызовом спросил мальчик.

— Вообще-то на данном этапе только это и имеет значение. Знаешь, как в алгоритме: да — разговариваем дальше, нет — тебе туда. — Она показала на дверь.

— Тогда да, — ответил Максим.

— Неубедительно, — вздохнула Марина. — Может, скажешь прямо, что тебя смущает в нашем разговоре? Или во всей этой ситуации?

— Мне непонятно, зачем все это нужно. Разве нельзя просто взять деньги и проводить меня в класс? Или сказать «извините, мест нет» и проводить меня за дверь?

— Так делали в твоей старой школе?

— Так делают во всех школах... и не только в школах.

— Ты разве бывал *во всех* школах?

Максим промолчал.

— Хорошо, давай начнем по-другому. Я расскажу о нашем лицее, ты поймешь, что он собой представляет, и после этого решишь, продолжать рассказ о себе или нет.

Марина немного помолчала, думая, с чего начать и чем же пробить стенку, за которой спрятался этот волчонок.

— Ты знаешь что-нибудь о лицее, в котором учился Пушкин?